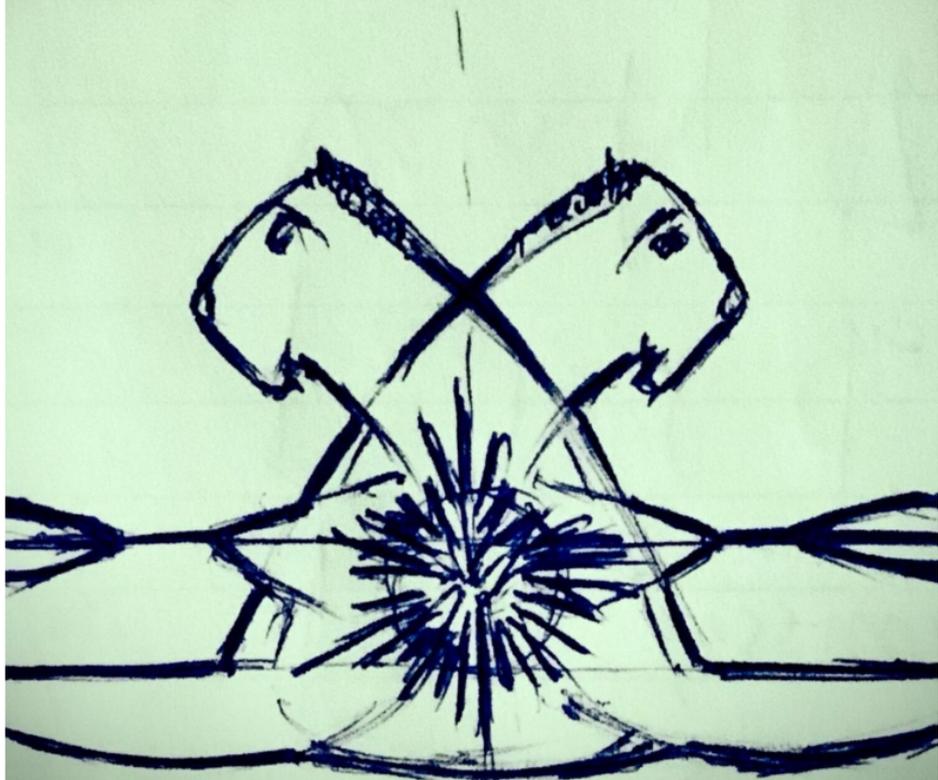

**Бобры. Истории начало.
Записки у весеннего
причала. Книга 1**

Костя Белоусов

Костя Белоусов
Бобры. Истории начало.
Записки у весеннего
причала. Книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70616965
SelfPub; 2024*

Аннотация

Вот уже лет пять наша всё увеличивающаяся семья проводит лето в Шутах, на самом юге Псковской области, в краю озёр. В часе езды от деревни – Михайловское. В таких краях не творить не возможно. Музыкой наполнен воздух и земля. Если бы я был музыкантом, то писал бы нотами. Но я не музыкант, и для игры выбрал рифмованное слово. Это про форму. Теперь – про содержание. Семья – явление непростое. Для меня семья – горная порода, вот ровно так, как это и воспринимается. Предлагаю вместе с моими героями совершить путешествие к Сердцу горы. Книг будет несколько. Начнём с первой.

Содержание

Часть первая.	4
Часть вторая.	7
Часть третья.	10
Часть четвёртая.	15
Глебов сон.	22
Глебов сон во сне.	30
Глебов сон, продолжение.	32
Часть пятая.	35

Костя Белоусов

Бобры. Истории начало.

Записки у весеннего причала. Книга 1

Часть первая.

Пока семейство наше едет
На пляжи Евпатории,
Начну записывать в блокнот
Дорожную историю.
«Ну что, мои озорники, –
Нам выдавая дневники,
Сказал после уроков
Наш классный, Сумароков, –
В десятый класс вы больше не вернётесь,
А впереди – последний школьный год.
Чтобы потом, что вспомнить было,
Дарю вам записной блокнот.
Его возьмите вы с собой в дорогу
И понемногу, тихо, невзначай
С ним разделяйте вы свою тревогу,

Надежды, грусть и радость, и печаль».
Сказал и вышел, улыбнувшись странно,
А мы остались в классе без него.
И вроде был он всем такой понятный,
Но мы о нём не знали ничего!
Не знали, почему он ходит в кедах,
Не знали, для чего ему словарь,
И уж тем более понять не в силах были
Его причудливый настенный календарь.
В календаре том было три спирали
Вместо привычной сетки будних дней.
Его мы в первый день себе списали,
Но покамест где были, там и встали.
Вот и сейчас, в тупик поставлены подарком,
Мы летних дней прикинули черёд
И друг за другом выходить из класса встали:
Кто Сумарокова поймёт?
Я не скажу, что был отличником ученья,
И на скамейке запасных я не сидел.
Частично сам, частично с долею везенья
Я смело на учителей смотрел.
А Сумароков был как будто обтекаем,
Он смелости не требовал совсем,
И знаем мы предмет или не знаем,
Он сам нам улыбался всем.
В его натуре чувствовалась сила,

В его подарке видел я подвох,
Он знал прекрасно, что писать мы не любили,
Зачем потратился тогда на записной блокнот?
И вот мы шли ватагою весёлой,
С девчонками шутили и смеялись всласть!
И лето нас дурманило и грело,
Замыслив у родителей украсть!
Конец первой части.

Часть вторая.

Вчера – билет. Сегодня – сборы.
На юг отправилась семья.
Я член семьи, а значит койка
И мне в купе отведена.
Да, лето грело и пленяло,
Да, не давало ночью спать,
Но я не мог тогда на планы
Своего клана наплевать!
Вопрос был сверху или снизу.
Я выбрал верх и лёг ничком.
И вроде как со всеми вместе,
И вместе с тем особнячком.
Отец – полковник. Мать – актриса.
Сестра – физрук. И младший брат,
Записанный по госпрограмме
Через дорогу, в детский сад.
Богаты? Нет, раз поезд мчится,
И к нам заходит проводница.
Друг друга любим? Да, наверно,
Хоть слёзы льём попеременно.
Мальчишки, слёз увы не льют,
А с Бобиком во двор идут,
Или краснеют и пыhtят,

А так молчат, молчат, молчат.
Отца я папой называю,
И за погоны уважаю.
Его деды на фронте были,
Но добровольно не служили.
Зачем он сел на этот сук
Спросить всё было недосуг.
Теперь же он лежал напротив
И я был в принципе не против.
Мама устроилась снизу,
Присев грациозно к окну,
Актриса не по капризу,
Судьбу она знала свою.
Быть может, от бабок досталось
Искусство сердца ворожить,
От папы в отличие, очень
Любила Histoire ворошить.
Сестрёнка, красивая очень,
Мечта моих школьных друзей,
Вела первый год физкультуру
На практику дали нас ей.
Мы Лесгафту были обязаны
За свет этой спорта звезды.
Улыбкою нежною связаны
И грацией пленены.
Братишка вносил несурязицу

В сотканный взрослыми мир,
Нелепицу, разнообразицу
По дому он разносил.
И в поезд он ухитрился
Детства собрать рюкзачок.
Он был в нашем яблоке сочном
Довольный собой червячок.
По паре четверостиший
На каждого члена семьи,
И вот уже сходятся рельсы,
И звёзды всё ярче видны.
Нам кажется: только что сели,
А поезд полдня уж в пути,
И скоро на станции можно
На полчаса будет сойти.
Неужто был прав Сумароков,
Даря нам на лето блокнот?
Всё четче на линиях вижу
Рисунок пяти наших ног.
Конец второй части.

Часть третья.

Нам Сумароков говорил,
Что свойство древних греков
В разнообразии Земном
Зреть только человеков.
Грачей писать, чтоб показать
Души весной смятенье,
И находить в глазах вола
Поступку одобренье.
В прыжках кеты увидеть зов
Ко самоотречению,
Улитки домом дорожить
Как Золотым сеченьем.
Что ж, я такой же человек,
Как Сумароков древний грек,
А по сему одушевлею
Одну бобриную семью.
Всё дело в том, что в деревеньке,
Где проводили лето мы,
Вдоль озера как кол стояли
Осин заточены стволы.
Осинки вроде молодые,
Но было их число не счесть.
Соседский сын принёс однажды,

Про тех бобров дурную весть.
Дурную с точки зрения соседа,
Безвыездно он в той деревне жил.
По осени, чтоб быт жене облегчить,
Он новый кабель к дому проложил.
Когда же по весне, во время стирки
Машина вдруг прервала оборот,
Он пса поднял с насиженной подстилки
И вышел разобраться в огород.
Псу интересен был вопрос
Не менее соседа.
Прыти добавил дисбаланс
Вчерашнего обеда.
Белковой части запах дивный
Шёл от осинки молодой,
Которую на кол точил,
Бобёр по имени Данил.
И ровно мимо той осины
Шёл кабель дорогой трёхжильный,
Который невзначай сточил,
Уже известный нам Данил.
Он сделал это не со зла –
Он проиграл в тот день в козла
И был отправлен за концом
Выигравшим в козла отцом.
А провод обвивал осину,

Что присмотрели для конца,
Два раньше посланных гонца.
Данил знал, территориально
Не их была нотариально
Та пресловутая низина,
Где и росла его осина.
А это означало риск,
Возможно даже обелиск,
И пенсию семье.
Но проигрыш есть проигрыш,
Пусть даже и в козла,
Тем более есть повод
Порадовать отца.
И вот когда Данила наш,
Сточив стволы под карандаш,
Уж начал паковать багаж,
Раздался треск кустов прибрежных
И наказаний неизбежных
Стала мерещиться картина,
Взошла звезда его – Алина!
С прошлой весны семьёй бобринной
Они помолвлены с Алиной.
С тех пор уже двоих бобрят,
Водили вместе в детский сад.
Данил, осина и Алина
Сосед, пёс, кабель, рыхлый снег,

Запах растаявших конфет
В кармане удальца соседа.
Быстрее спортивного мопеда
Сердец стучали клапана,
Накалив нервы до красна!
Развязки тон взяла весна!
Кларнет, гобой, виолончель
Поставлены были под ель.
Две скрипки, арфу, контрабас
Укрыл собою старый вяз.
Упала шишка, пёс залаял,
Сосед конфету проглотил,
Данил, схватив зубами кабель,
Алину к танцу пригласил.
Они слились,
На насте белом не оставляя и следа!
Их в небеса благословляя
Сияла кабеля искра.
Запахло жареным, и арфа
С кларнетом вышли из игры,
И флажолетом застонали
Две уцелевшие струны.
Минута – и всё было ясно:
Не заполощет барабан.
Сосед и пёс в глаза смотрели
Преображённым двум бобрам.

В них больше не было испуга,
Они насквозь вошли друг в друга
Одной душой, одним дыханьем,
Неосквернённые познаьем.
И шуба цвета серебра
Была теперь у них одна!
Один – на запад обращён,
Другой – востока видел сон.
И только старый контрабас
Звучал в лесу теперь для нас.
Взошла луна, сияние не меркло,
К ним спрыгнула испуганная белка.
И понесла по лесу весть,
Как она есть.
На третий день у срезанной осины
Сынишка проходил лосиный
На месте, где случилось волшебство,
Лежал каштана плод и парное весло.
Так родилась легенда о бобре,
Которую сосед поведал мне.
Конец третьей части.

Часть четвёртая.

«Братишка, ты весь день лежишь!
Письмо любовное строчишь?» -
Меня окликнула сестрёнка и
Усмехнулася тихонько.
Я улыбнулся ей в ответ,
Но не сказал ни слова,
Как-будто звукам дал обет
Сберечь их для другого.
Я потрясён был глубоко
Случившимся со мною.
Я не хотел такой судьбы
Рождённому герою.
Данилу прочил долгих дней,
С его женой Алиной
Хотел вести их жизни след
До самая седины!
А тут за рифмою во след
И с образом не споря,
Был вынужден прервать их жизнь
По чьей-то словно воле.
Я ничего тогда не знал
Про вёсла и каштаны
И осторожно отложил

Блокнот тот странный.
Сестра пришла меня позвать
В соседнее купе играть,
Чтоб до обеда скоротать время.
И я не мог ей отказать
И с полки стал скорей сползать,
Неся секрета своего бремя.
Отец – с братишкой.
Мама – с книжкой.
Сестра – с коробкою под мышкой,
В которой и была игра.
Всё было просто, как всегда.
И снова не было обмана
И без заметного изъяна
Жизнь текла.
Точней плыла -
Поправить вдруг мне захотелось.
И тут же всплыли вслед за правкой
Две лопасти весла.
Я посмотрел на маму с книжкой,
На папу с маленьком братишкой,
Сказал сестре: «Давай пойдём»
И первым выступил в проём
Двери, дарившей свежий воздух
Вагонной коридорной полосы,
И вид на змейку чёрную у бойлера

Чай наливавшей девушки косы.
Толчок в плечо,
Сеструхи хитрый взгляд
Происходящее перевели в обряд.
Мне оставалось только выпить яд.
И я признаться, этого желал,
Мне в сердце холодом вошёл кинжал
Реальности иной,
Что захотела познакомиться со мной.
«Ты помнишь, мы с тобой когда-то
Просили старого солдата,
Чтобы укрыл нас от дождя,
И провели в избе три дня.
И как трещала тихо печка,
И как горела ночью свечка,
Как дождь стучал по окнам,
И как ты вся промокла,
Когда в рубашке вышла в сад?
Соседи думали, все спят.
А мы не спали.
Помнишь, Варя»?
«Я помню всё, Максим.
Давай в купе дверь затворим.
Дети ушли, уснул сынишка.
Я положу на столик книжку».
И двери затворились обе.

Разъединилися миры,
Ушедшей в грёзы старины
И нового начала.
Неслышной тенью от причала
Под иву спряталась весна,
Плетя канву дневного сна.
Втроём, в проходе между полок
Стояли мы, и миг был долог,
И близость не смущала нас.
В её руках три кружки чая,
Рессор качанью отвечая,
Качались в такт.
Волнением свои пленяя,
Во внешней воле растворяя
Молчанья пакт.
Как шёпот тёплого дыханья,
Слова невинного признанья
Слетели с губ:
«Простите, Вам не сложно будет
Освободить для этих судеб
Тот край стола?»
Сестра мне снова улыбнулась,
И инстинктивно повинуясь
Я отступил.
Соседка, с лёгкостью воздушной,
Лесной пичуги простодушной

Поставила наш чай.

И на запястье, промелькнувшем невзначай,

Мне показалось я увидел

Не может быть!

Там были вместе два бобра,

И в шубе цвета серебра,

Один – на запад обращён,

Другой – востока видел сон.

Мы сели. Я – один. Они – напротив.

«Я – Наташа.

Уже два дня – соседка Ваша».

И я впервые посмотрел в её глаза.

Они сияли словно бирюза

В огранке патиновой собранных волос.

Своё в ответ я имя произнёс:

«Глеб».

«Знаю, – был её ответ, -

Что ж, Глеб, у нас в стаканах – чай.

И мы хотели поиграть».

Сестрёнка улыбнулась опять.

«Бери любой.

Мы трое связаны судьбой

В вагоне этом.

При этом

Можешь отказаться

И за отказ не волноваться.

Тебе решать, что пить
И с кем играть».
Признаться, не того я ждал.
Когда порог переступал.
«А ждал ли Ты кого-то?» –
Спросил меня вдруг кто-то.
«Ты, кого-то?» – знакомый голос повторил.
Я взгляд поднял и уловил
В Наташиных глазах вопрос.
Вопрос никто не произнёс.
Его читал в её глазах.
Ответ нашёл в её руках.
Она протягивала чай:
«На вот, возьми. Не отвечай».
Теперь звук и источник звука
Привычней были друг для друга.
Её коснулся я руки.
И звуки стали далеки.
«Валюша, отвори-ка дверь.
Глеб, как тебе теперь?»
«Да, норм. Вот навалилось сразу,
Что и не выплыть водолазу».
Тем временем моя сестрёнка,
Расправив на столе скатёрку
Стала раскладывать игру.
Повернув голову к окну,

Наташа мне давала отдохнуть.
Змейка косы едва касалась плеч -
Хозяйку их от сглаза убережь.
Её спокойствие передалось и мне.
В нём растворился, как в забытом сне.

Глебов сон.

Её глазами видел озеро седое
В туманной дымке, в тростнике – каноэ,
К каштану прислонённое весло.

Взгляд назад – и вот он я,
Иду, куда ведёт меня,
Соседка странная моя –
Наташа.

«Цель наша –
На том берегу,
Тебе добраться помогу,
А дальше – сам,
Пойдёшь по дядиным следам.

(Тростнику:)
Здравствуй, тростник,
Наш проводник
До берега другого»!

(Глебу:)
«Прошу тебя,
Не говори ни слова!
Здесь – царство моего закона.
А ты смотри, запоминай, что слышишь,
Потом в блокноте записном опишешь».

(Тростнику:)

«Нас дядя ждёт,
Он попросил, чтоб ты
Его к нам пропустил.
Я поручаюсь за мальчишку.
Дай в путь нам своего сынишку.
Как только из тумана нас выведет каноэ,
Я ветру за него замолвлю слово.
Вернётся он назад течением свободным
И род прославит свой поступком благородным».
Тростник шептал, тростник качался –
И вместе с нами оказался
В каноэ смелый рулевой -
Тростник-малютка удалой.
Теперь, когда нас стало трое,
Берег оставило каноэ.
Туман и ветер заключили договор:
До середины вод скрыть озера простор.
Туда и вёл каноэ проводник,
Наследник берега и ила ученик.
Мне показалось, что в тумане
Мы были не одни.
Бобры скользили рядом с нами,
Отсчитывая дни.
Их спинки серебром сверкали
Озёрных сонных вод,
Над ними бабочки кружили

Весенний хоровод.
Вода была ещё холодной
И вязь свою плела
Под плотным пологом густого
Тумана полотна.
Льда не осталось.
Он ушёл, оставив до зимы
Их отношения с водой свободными.
Туман редел, бобры уплыли.
Мы к середине выходили
И озера, и дня.
Наташа посмотрела на меня.
И улыбнулась улыбкою сестры,
Словно припасены
Уже подарки были,
И друг за другом выходили
Феи.
«Вас дольше я держать не смею», -
Она сказала тростнику.
И ветру протянув руку,
Расправила ладонь.
И я почувствовал, какая
Разлилась гармония.
Он пальцы ласково её перебирал,
Словно посланья считывал сигнал.
Вдруг подхватил тростник,

Его поднял на миг,
На воду бережно спустил
И в путь обратный отпустил.
Наташа села, подняла весло.
Каное дальше мягко понесло.
Разголубило небо воду,
И я почувствовал свободу
Её движений озорных
И сладость мыслей молодых.
Слетали капли с лопастей весла,
Пронзала искрами их светлая весна.
На каждой лопасти всё те же два бобра,
Как на запястье, цвета серебра.
Я змейкою косы её узнал -
Страх совпадений меня больше не держал.
С бобрами будто чувствовал теперь единство,
Отцовства гордость, счастье материнства,
Любовь сестры и помощь брата.
И мыслей этою объята
Была Наташа.
Каное наше
Меж тем достигло берега другого.
«Ты помнишь, я тебя просила
Слово, пока плывём мы, сохранить.
Теперь ты можешь подарить
Его мне музыки звучанье.

С тобою дальше я пойду лишь как воспоминанье.

На берег не могу ступить.

Я дяде поручу хранить

Свет твоего дыханья.

Теперь послушай. Ты узнаешь,

Когда блокнот перелистаешь,

Что за реальностью одной,

Стоят незримые порой

Миры.

Их судьбы переплетены,

В спирали объединены календарём

И проявляют свою сущность день за днём.

«Поймём мы или не поймём,

Придём мы или не придём,

Бредём мы или не бредём,

Прядём мы или не прядём», -

Тут раздалось из-за бугра,

И мы увидели бобра.

«А вот и дядя, наконец!

Всё так же юн,

Всё так же стар»!

«На полминуты опоздал.

Дитя, я рад тебя узреть!

Чтоб мне зимой обындеветь!

Так это он, наш мост хрустальный,

Наш кубик костяной игральный!

Спрыгай-ка, Глеба на брежок!
Возьми вот, скушай пирожок!
Он с ягодой лесной,
Тебе не опасной.
Дитя, ты здесь нас подожди.
Тебе на берег не сойти.
Мы с Глебом обернёмся быстро.
Чтоб в крынке молоко прокисло!
Давай, петух, слетай с насеста!
Не пропадёт твоя невеста».
Не знаю сам, как вышел я.
Воля оставила меня
Уже давно.
Как будто всё предрешено
Задолго было,
И пирогом меня кормила
Бобрёнка цепкая рука.
Я повернулся – ни следа
Наташиного изображенья.
И только воображенье
Милый лик
Явило мне её на миг.
Мой спутник был уж далеко.
Я чувствовал, что молоко
Прокиснуть в крынке вполне может,
Если бобёр мне не поможет.

К Наташиному дяде поспешил,
Как будто тыщу лет знаком с ним был.
«Дядя, постой!

Мне говорить бы надобно с тобой!
Скажи мне про племянницу твою,
Её Наташей вслед за ней зову».

«Её история в блокнот твой не войдёт.
Ты приезжай на Старый Новый Год.
Ну как пирог? Спекла его голуба.
Двенадцать желудей под дубом».

«Пирог вкусён, да странен малость».

«Смотрю, и крошки не осталось.

Он – из каштановой муки.

Отнять старуху у клюки!

Что Сумароков ваш, пострел,

Все ягодки собрать успел?

Ох кабель мой медяный!

Солдатик оловянный!»

«Он здорово преподаёт,

Хоть не понятно куда гнёт

Нам иногда.

«Держитесь, рыбоньки, его теченья,

Если хотите в жизни приключенья.

А что братишка твой? Назвали как?

Ведь имя данное отцами – не пустяк!»

«Мама хотела – Васей, в честь соседа».

«Что клапанами бил спортивного мопеда?»

«Папа – Ванюшей. Мама согласилась

И вспомнила, как в папеньку влюбилась.

Сосед – хорош, но Ваня наш – другой:

Он всё за маму держится рукой,

Когда конфету с полки достаёт,

Или во двор по лестнице идёт».

«Идёт бредёт старинная молва,

Что будет спасена семья бобра,

Что дверь закрытая однажды распахнётся,

Улыбкою сестры бобреха улыбнётся,

Шнурок развяжется на старом кеде,

Полковник отставной прокатит на мопеде

Брата сына!

Подешевеет лососина.

Каштана плод родит осина.

Поосторожней – тут трясина!»

Было поздно: я по шею

Завяз в болотную траншею.

Бобриных слов чарующую вязь

В настойку обернула грязь.

Парами сладкими как будто опьянён,

Я глубже провалился в сон.

Глебов сон во сне.

Шнурок полз по календарю.
Ванюша раскрутил юлу,
Сестра висела на канате
И в смехе умяляла: «Хватит!»
Косички змейка улыбалась,
Наташа надо мной смеялась,
Преображѣнная в бобра!
И в шубе цвета серебра
Играла в первый раз актриса,
И роль её была кулиса.
И в оркестровой яме новый
Бил колоколом стопудовый!
Пѣс лаял! Свиристела белка!
И разгоралася горелка
До света яркого звезды!
До белой кабеля искры!
Глебов сон – продолжение.
«Глеб, Глебушка, очнись! Мы – на болоте!
Чтоб мне опять служить в пехоте!
Вот так! Ох славно! Ай да молодец!
Нам песнь свою пропой, лесной скворец!
Уж больно впечатлителен юнец!
Прикрою-ка я времени ларец!

Глебушка, вот и лесушко!

Где лесушко, там и тестушко!

Каштанова мученька,

Варюшка – внученька!

Огонь горит,

Самовар пыхтит,

Шишечки тлеют

Восток молодеет!

Запад состарится.

Валя печалится.

Максимова пустынь, девятью шесть!

Бобров снова станет счётом не счесть!»

«Дядюшка, дядя! Что это там?

Огни загораются вниз по холмам.

К самой низине уходит дорожка.

Нам до огней тех стало немножко!

Дядюшка, дай я тебя донесу!

Вижу я словно змейки косу!

Дядя, ты словно уменьшился ростом!

Тебя отыскать скоро будет не просто!

Дядя, смотри, вот и огни!

Наш первый ночлег! Бобр и человек.

Глебов сон, продолжение.

«Ох, ты – Ёх ты, утрецо!
Скушай, Глебушка, яйцо!
Да умой своё лицо.
Нам осталось чуть-чуть
Из баклажки прихлебнуть!
Там, в низовье, у осины,
Где сынишка жил лосиный,
Нынче – хатка сложена,
И живут в ней два бобра.
Надо стариков навесть,
Передать им добру весть.
Семью восемь – сорок шесть!»
Дядюшка во всём воспрял,
Как на родину попал.
Видно, труден переход
Для бобра длиною в год!
Видно, скучно одному
Грызть осиную кору!
Вот подходим ко двору,
Где бобров стояла хатка.
В доме пахнет чем-то сладким.
За столом, за кружкой чая -
Два седых бобра встречают

Новый день.

«Что, Глебуша, признаёшь
Кабельную молодёжь?

Думал, в жизни их уж нет?

Как тебе такой ответ?

Посмотри-ка на буфет -

Там стоит один портрет.

Для бобров нас с тобой нет,

Потому как нет её,

Мятое моё бельё!»

Я, в сонной атмосфере дома,

Где мне как будто всё знакомо,

К портрету молча подхожу

И нахожу

Заветные черты,

Которые мне подарила ты!

Знакомой змейки чёрная коса,

С улыбкой бирюзовые глаза

Вновь смотрят на меня сквозь

Тонкое портретное стекло

Или вагона нашего окно!

А может просто на меня они глядят,

Волнение скрывая, говорят:

«Глеб, милый, выпей чаю».

И я послушно головой качаю

И замечаю –

На столе разложена игра
И улыбается загадочно сестра.
Конец четвёртой части.

Часть пятая.

Мы проиграли до обеда,
Чай подливая то и дело.
И будто не было нам дела,
До странных отзвуков судьбы,
Которая на нас глядела
И нам завидовать хотела,
Что за столом игры
Смеётся не она, а мы.
Но нет желаний у судьбы.
Её б за стол позвали мы,
Если б в игре хватало карт,
Если б в спектакле был антракт.
«Глеб,
Я пойду маме помогу накрыть обед.
Уж третий раз,
Насвистывая марш,
Папа проходит мимо нашего купе.
Скоро достанет портмоне
И будет списки составлять,
Кого в наряд определять».
С Наташей попрощалась и ушла.
Двоих возле себя оставила игра.
Наташа отложила карты

И посмотрела мягко на меня:
«Сейчас я не могу обнять тебя.
Разлуки нашей время подошло.
Два дня уже в пути прошло.
Сегодня – станция моя.
Менять игру не буду я.
Да ты и так достаточно узнал
И на обед почти что опоздал.
Вот – адрес мой. Ты мне пиши.
Меня ждут дома малыши -
Тебя – одиннадцатый класс
И книга, познакомившая нас.
Её ты дома допиши
И на обложке укажи:
«Бобры, истории начало.
Записки у весеннего причала».
Глаза сверкнули!
Улыбнулась змейка!
А поезд дальше понесла
Узкоколейка.
Конец пятой части.
Конец первой книги.
Моим трём дочерям и красавице жене посвящается.
1 апреля 2024 года.